

Реальность
третьего рода

Ондыон

Onduon

Реальность третьего рода

«Издательские решения»

Ondyon

Реальность третьего рода / Ondyon — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-501391-0

Загадочный Центр отправляет людей, потерявших всё в этом мире, на обживание диких мест. Так несколько бывших студентов, каждый со своей судьбой, грузом переживаний и взглядом на жизнь, часто не совпадающим с общественной моралью, оказываются на выселках в лесу. Действие происходит в двух фантастических мирах, которые всё больше смешиваются. Эта книга об отношениях с миром и мирами, о формировании собственной позиции, отличной от привычной, или навязанной.

ISBN 978-5-00-501391-0

© Ondyon

© Издательские решения

Содержание

Реальность	6
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Реальность третьего рода

Ondyon

© Ondyon, 2019

ISBN 978-5-0050-1391-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Реальность третьего рода

(Салат для слона с оркестром)

Эта повесть, несомненно, автобиографична. Почти все персонажи имеют прототипов, я даже не потрудился менять имена. Но нигде не обещается, что поступки персонажей должны быть похожи на поступки прототипов. Надеюсь им будет интересно увидеть себя в кривом зеркале чужого восприятия.

...Дом стоял в центре деревни. В детстве я всегда боялся приближаться к этому дому, и потом, на протяжении всей жизни он являлся мне в страшных снах.

С виду это был самый обыкновенный дом, окруженный уютными старыми липами, но от него исходил сильный запах крови и смерти, какой бывает на скотобойне. Бабушка говорила, что его хозяева, пока были живы, дубили кожи, но я не знал, от того ли дом источает запах смерти, или есть какая-то другая причина... И вот сейчас я стоял перед ним, и знал, что войду в него... потому что войду. Потому что так надо по сюжету, написанному моим личным богом, потому что общему богу нет дела до меня. И я уже входил и я уже вошел туда в будущем, и поэтому мне не страшно, а даже любопытно, что еще там придумано для меня. Тем более странным было бы не войти туда, отказаться от судьбы, от уже написанного сюжета, в котором я был героем. Посмеяться над личным богом. Иметь смелость не быть героем...

Так случилось, что пролетающий жабль сбросил маленький вагончик на этом месте. Может быть этому способствовал некий Демон, заставив его (водителя жабля) нажать на рычаг именно здесь. Кто их, этих демонов, знает... Но так или иначе, вагончик стоял на холме среди лесов. Он был тут не один, оброс навесами и сетью дорожек, а потом и еще парой других таких же товарищей. Просто так вагончики в лесу не стоят, в них обычно кто-то живет: суровые таёжные лесорубы или бородатые геологи. Но нет. Здесь жили молодые жизнепробы, а точнее – самый дикий их сорт. Сюда не рискнули добраться лесорубы, не долетели геологи, их очередь еще не пришла. Неподалеку, опять же среди непроходимых лесов, угнездился целый город таких жизнепробов – отдельное самостоятельное государство. Не потому, что оно хотело политической независимости, а потому, что мало кто захочет добраться сюда из большого мира. В мире уже никто не помнит про этот город, затерянный среди лесов, кроме гениального Центра, а поскольку Центр старается не вмешиваться в дела жизнепробов, то многие из них уже и не верят в него. Точно так же и Холм представлял собою для города отдельную страну, существование которой несомненно только в сказках, как, например Африка. Все дети знают, что в Африке гориллы и злые крокодилы, но никто по-настоящему в неё не верит.

Холм затерялся где-то среди лесов, отделенный от остального мира водой рек, озер и океанов, воздухом старых лесов. С городом (который и сам состоял всего из нескольких улиц) его соединял только жабль. Он привозил посылки и сбрасывал их на зеленом поле позади холма. Поле, на самом деле, было уютной поляной, на которой жабль уместиться не мог, поэтому он садился изредка на болото, и тогда Ту с радостным криком бежал к нему, в надежде, что пилот позволит ему подергать рычаги, или даже поднимет его над лесом.

Ту и Мишель когда-то вместе обучались Мастерству у старого учителя Клизьмотрона¹, и, совсем не удивительно, что они оказались в одном и том же месте в ключевой момент их судьбы. Еще в поезде они лежали на соседних полках, сидели за одним столиком и пили один портвейн, но не замечали друг друга. Потом поезд бесшумно подкрался к низкой платформе и железно спустил трапы.

Шу, оказывается, был родом из того же вагона, с соседней полки, и ночью сверкал оттуда очками, но в то время его природная застенчивость не позволила ему пить тот же портвейн. И всё же, он уже чувствовал себя с ними, и, когда толпа полезла из вагона на площадь, неосознанно держался рядом с ними.

А Слон был всегда. Когда еще не было планет и звезд, и даже пространства не было, Слон *был*. Он плавал в *пустоте*, и думал о чем-то большом, возможно, о Великой Пользе. Так утверждал Мишель, Слон же хранил загадочное молчание и вообще избегал говорить на эту тему.

Когда толпа молодых вновь прибывших жизнепробов уже разбрелась с площади по теплым местам города, у серого здания остались они: Мишель, Ту, Шу и Слон. Мишель и Ту говорили об искусстве, впрочем, их разговор состоял, в основном, из перечисления их (произведений искусства) названий.

– А вот еще «Лед В Меду»...

– Да, точно! А ты слышал «Слизь В Клизьме²», там еще третья тема такая забойная. Помнится, Том не хотел включать ее в альбом, но их *большой папа* настоял...

Слон стоял рядом и тихо слушал. Он что-то об этом слышал, и пытался уловить знакомое название, и смотрел на Шу, который, прислонясь к стене, похоже, делал то же самое.

Откуда взялся Дэн Страхолюдов-Винский – науке неизвестно. Манускрипты об этом также молчат. Его оттерло толпой с площади к этой же стене, и он, казалось, тоже чувствовал себя частью *их* компании, хотя остальные так не думали. К ним подошел городской распахусь и предложил последнее оставшееся место.

Выселки. Вагончик. Глубоко в лесу. Низкий холм посреди болот с шикарным сказочным названием Фэйри-Хилл³. Там, вдали от цивилизации, им и предлагалось жить.

– Но вагончик только на четверых! – Сказал кто-то.

– Давайте кого-нибудь выпихнем, – предложил Мишель.

– Его! – Все обернулись к нему, Винскому, нескладно рыжему и волосатому.

– Ти-хо, – сказал Ту, – никого выпихивать не будем, будет спать под тумбочкой.

Уже тогда Винский показал свою удивительную способность отпугивать людей при первом же знакомстве и с еще большей силой снова, уже когда его узнавали ближе. За это он был впоследствии прозван... впрочем, сейчас не стоит говорить об этом.

Через много лет Ту любил вспоминать этот случай, и неизменно говорил: «Вспомните, ведь мы единогласно, не сговариваясь решили выпихнуть именно его!» При этом он никогда не вспоминал, как он сам вступился за него...

Глюк и Стелла появились позже. Тогда на холме под деревьями уже было несколько строений. Его увидели, идущим вверх по склону с рюкзаком, формой и размерами похожими на него самого. Из такой же оранжевой несгораемой и нервущейся ткани, как и его вечный комбинезон. Он появился и вошел в нашу жизнь пешком и незаметно, как будто всегда был с нами, но всегда оставался слегка в стороне.

¹ именно так произносил Шу, тут уж ничего не сделаешь

² произношение авторское, т. е. Шу. Вероятно, имеется в виду «Please Please me» The Beatles

³ помните сказку Андерсена «Волшебный холм», где по ночам собиралась лесная нечисть?

Стеллу сбросили с парашютом вместе с большим тюком посылок с надписью «Лес. Фэйри-Хилл». Она не была парашютисткой, но и такое обращение (как с грузом) ничуть не испугало ее. Вообще, трудно было понять, что скрывается за этой непонимающей улыбкой. Круглая, с большими, близко посаженными глазами, она была похожа на сову, особенно когда говорила глухим хищным голосом: «Хочу какую-нибудь фруктину!» И такое строгое погребальное имя никак не вязалось с этим существом.

Винский был сумасшедшим изобретателем. Мишель как-то зашел в его каморку под ёлкой. На столе стояло... нет, покоилось... нет, сУщЕсТвОвАлО нечто, мигая множеством красных и грязно-зеленых, огней.

– Что это?

– Драйвер. Слышишь, как грузит?! – Он за что-то дергал, и *это* начинало гудеть, что-то вращалось, шел дым, и огни разом гасли.

– Да, замечательно грузит. – Отвечал Мишель и выходил наружу прокашляться, и больше почему-то не возвращался.

Слон тоже был безумным изобретателем, хотя это не так сильно бросалось в глаза. Его произведения чаще всего были совершенно бесполезными, даже если за ними стояла изящная идея. Его последнее ненужное открытие заключалось в том, что на Холме и в его окрестностях радио- и никакого-другого- приема не было. Слон обошёл все болота с ручной антенной, наступая всем на ноги и сбивая с деревьев мелких существ, чтобы чётко установить границу. Но граница не была чёткой, и открытие осталось незавершенным.

Но это обстоятельство огорчало только Ту, который любил смотреть захватывающие сериалы про доктора Гомеса⁴. Связь с городом была не нужна, задача была просто жить. Здесь, в диком лесу, и проверять, можно ли здесь жить. И ждать, когда сюда приедут бородатые геологи и продолжат наше дело. Лес создавал среду и поле для жизнепробской деятельности, все остальное привозил из города жабль. Это создавало у обитателей Холма иллюзию, что город о них не забыл. Иногда они ждали жабль несколько недель, а он все не прилетал, и тогда они забывали о времени и просто жили, каждый занятый своими мыслями и делами.

Город был гениальной идеей Центра. Миру важных людей и больших машин нужна территория, но важные люди не хотят тратить силы, время и, самое главное, деньги, ими придуманную субстанцию, которая не годится ни на что, кроме измерения ею всего остального. Зато были люди, молодые, сильные, полные энергии и идей, которые были ненужными, лишними, вредными, и даже опасными для мира важных людей и больших машин. Жизнепробы, которые сами с удовольствием исчезнут из большого мира, и даже принесут пользу. Их только надо отвезти в самое дикое место и постараться не беспокоить. Они выживут, обживут, устроятся. А вот тогда уже и придут туда геологи и строители, чтобы сделать это место, ранее дикое, кусочком мира важных людей и больших машин. Вот чем занимался Центр. Вербовал молодых жизнепробов, чтобы закинуть их сюда и вычеркнуть из списков своего мира.

Зачем жизнепробы приходили в Центр? Что привлекало их в неизвестном диком месте? Может быть, желание скрыться? Странно, но скрывающихся преступников тут не было. Ведь преступнику тут нечего делать. Вор нуждается в набитом кармане, чтобы было что таскать. Но тут нет набитых карманов, значит нет и воров.

...ресторан, оформленный под пещеру, или пещера, превращенная в ресторан. Темные колонны уходили вверх, пол, словно залитый расплавленным стеклом. Народ, в праздничных

⁴ начало повести написано в 1992 году, так что вероятно, имелся ввиду сериал «Богатые тоже плачут» или «рабыня Изaura», популярные в России в 1980х годах (производства Мексики 1979г.) а не то, что вы подумали.

карнавальных одеждах, толпится группами и кружится, наступая каблуками на прозрачную поверхность, под которой в зеленоватой льдистой глубине можно увидеть камни и монеты на дне пещеры. Факелы на стенах и огромные люстры освещают высокие своды главного зала. Все движется, шумит, шуршит одеждами и сверкает.

В полумраке трещины в стене главной пещеры стоит столик. Здесь не так шумно и свет праздничного великолепия не слепит глаза.

– Ты когда-нибудь бывал там? – Спрашивает Она.

– Да, это примерно не полпути от Столицы до Девяти Островов. Там на острове посреди реки есть старые развалины...

– Ой, смотри, что это там!.. – она указывает в темноту трещины. Там копошится что-то темное.

– Где?! Он хватает ее за руку и дергает с места, она падает, но что-то бесформенное опускается на то место, где она только что была...

– Рафы! Рафы в городе!

И все перемешалось, множество бегущих людей, крики, мечущийся свет факелов, и тени, ползущие из темных углов.

Вчера Шу приснился дурной сон, Мишель тоже был не особо бодр, Винскому чего-то не хватало для своих изобретений, и вообще, что-то было не так, и на собрании жителей Холма Шу и Мишель были избраны лететь в город. Эта мысль была первой дежурной мыслью, и появилась первой, как универсальное решение. Винский назвал это ко-манди-ровкой, таким страшно длинным словом, которое без запинки мог произнести только он. Ту был ближе к истине. «Вы тут быстренько слетайте, узнайте, как оно там.» – Сказал он, хотя «быстренько» и «тут» было неправдой. Следующий жабль обратно из города с посылками для Фэйри-Хилл должен был лететь только через неделю, специально ради них водитель жабля лететь не собирался. Вот так, у Шу с Мишелем впереди были шесть дней и еще одна ночь.

И вот они в городе, предоставленные собственным неожиданным желаниям и случаю.

– Какие свежие фрукты, еще шевелятся!⁵ – Восторгался Шу, отходя от празднично раскрашенной ярмарочной палатки. В кульке, и правда, что-то шевелилось.

По улице бродил народ, некоторые спешили к какой-то цели, другие, казалось, сами не понимали, откуда они здесь и что это они делают. Впрочем, Шу и Мишель выглядели не лучше. Они уселись на скамейке в сквере.

Это всё потому, что еще слишком рано, подумал Мишель, хотя на самом деле солнце уже почти поднялось к полудню, хотя утренняя прохлада еще ощущалась в кончиках пальцев и в общей неуверенности движений. Полёт над лесом в предутреннем тумане не запомнился абсолютно, выход на площадь с посадочной площадки был похож на выход из тяжёлого болезненного сна.

Еще вчера, агитируя сообщество на «ко-манди-ровку», Мишель рассказывал, что видел рядом с центральной площадью палатку, где бородатый таёжный туземец продавал национальную водку.

– Это называется *салмияки на коскенкорве*, это очень прикольно, абсолютно невозможно пить! Брутал!

– А в чем прикол, если невозможно пить? Какой тогда в ней смысл? – Напрочь не понял Слон.

– А в том, что *они* это пьют охотно. В том, что чувствуешь себя таёжным туземцем!

Этот нелогичный аргумент был Слоны абсолютно непонятен.

И вот они сидят на скамейке в сквере, так и не найдя этой загадочной палатки.

⁵ фраза из мультика Диснея «Chip & Dale Rescue Rangers»

- Доставай.
- Шу достал.
- А где пряники?
- Какие пряники?
- Опять ты все пряники съел!
- Да нет, не ел я никаких пряников, – упорствовал Шу.
- А куда они делись?
- Ну, не купил я их... Да, ладно тебе, вот, лучше, фрукты.

Фрукты и пиво – это был странный набор, но каких-нибудь коржей обнаружить в городе так и не удалось, наверное, их уже съели. «Не возжелай коржа – ближнего своего!» – наставлял Мишель, и они бросили мысли о поисках.

– Ну, вот и славненько, – изрек Шу, поглаживая брюхо. Мишель уже собирался выбросить пустой кулек, но он снова зашевелился, хотя фруктов в нем уже не было.

- Смотри, шевелится... Подожди, не трогай, вдруг там кто-нибудь есть?
- Давай отнесем его Слону, он порадуетя.
- Но мы же не знаем, кто там. Вдруг там что-нибудь опасное? А вдруг там *раф*?
- Кто? – Не понял Шу.

– Ну, вот знаешь, в ужастиках часто встречается один тип существ, он всегда называется по-разному: *некто, оно, вещь, чужой, иной, сгусток*... Общее в них то, что это существо, не имеющее формы. Оно или вообще её не имеет, и перетекает как жидкость, или же может менять её, принимая форму различных предметов и существ.

– Ну да, вот, еще есть *снубл*⁶. Он вообще жидкий, его даже выпить можно.

– А, вот, этого, как раз делать не стоит! Растворит тебя изнутри и займет твою оболочку! Мы будем думать, что ты Шу, а это на самом деле *раф*! Внешне это может быть даже незаметно, только вот это будет не поведение, а имитация поведения. Такой человек может поддерживать беседу, но, проговорив с ним полчаса, понимаешь, что он ничего не сказал, только мычал, кивал головой, пожимал плечами и говорил «ага». Дальше – хуже. Поддерживать оболочку довольно сложно, тем более такую сложную – человеческую, раф постепенно теряет форму, несмотря на все его старания сохранять мимирию в среде людей. Если внимательно присмотреться, можно заметить множество мелких незначительных отличий: неправильное количество пальцев, отсутствие, например, ушей... Ну это только самые изощрённые рафы способны на подделку человека. Обычно притворяются старой тряпкой в углу и обволакивают наступившего, чтобы переварить.

– А я как-то видел камень. Во всём вроде бы, обыкновенный камень, если не считать, что он плыл по реке.

– Однозначно, раф. Очень типичный случай. Несмотря на потрясающие способности к мимирии, даже имитации сложного поведения, его способностей не хватает, чтобы понять, что камни не плавают по реке.

Или, вот, например, идёт охотник по лесу и обнаруживает лежище оленей. Мееедленно подкрадывается к ним. Вроде ничего себе, такие, олени: лежат, рогатыми головами шевелят. Да только не олени это совсем, у них и ног-то нет, на слизистом брюхе ползают. Только, когда охотник это обнаружит – уже поздно будет. Напрыгнут, обволокут и переварят.

Они помолчали. Шу незаметно отодвинулся подальше от мусорной урны. И, вместо того, чтобы выбросить подозрительный кулёк, завернул его понадежнее и сунул в карман.

Улицы в больших городах только потому имеют названия, что они выглядят одинаково, кажется так пелось в одной песне. Или нет, там говорилось про дома, но все равно, это был

⁶ Вероятно, англоязычное подражание бульканию. Жидкое инопланетное существо, герой Muppet Show.

другой город. Здесь их было мало, и они все были разные. Нельзя было назвать точное их число, потому что трудно было понять, что следует считать улицей, а что – нет. Дома, павильоны, ларьки и палатки стояли без всякого порядка, только в центре, где еще не угас импульс замысла Создателя, располагалась площадь с Памятником Последнему Герою. Шу как-то спросил, что совершил этот герой.

– Не знаю, – последовал ответ, – вроде, под поезд бросился, или что-то в этом духе. Кто его, этого Героя, поймет.

По улице два жизнепроба катили тяжелую тележку. К ней была нелепо привязан огромный черный сосуд.

– Что это вы везете? – Спросил Мишель.

– Азот. – Был ответ. Один из них наклонил тележку, и на землю полилась дымящаяся жидкость. И там, где протекал этот заколдованный ручей, трава покрывалась инеем и становилась хрупкой, а земля трескалась, и мелкая живность спешила уползти подальше от.

– Видишь, как дымится... .

– Пойдем, а то не успеем, – торопил Другой. И Один покатил тележку дальше.

– А вы кто? – Спросил Мишель им вслед.

– Медики мы, – обиженно пробормотал Один.

Йогурты прошли еще немного по улице и остановились у высокого зеленого дома. Мишель обернулся. Медики стояли почти на том же месте, с ними был еще кто-то, и Другой наклонял дымящийся сосуд, чтобы все присутствующие убедились, что это действительно жидкий азот.

– Пойдем к медикам, – предложил Мишель.

– Ага, – ответил Шу, указывая на табличку зеленого дома. Там было написано «МЕДИКИ».

Входя в дом, Мишель вновь посмотрел в конец улицы. Те двое возвращались, и легкая тележка подпрыгивала на камнях. Похоже, они так и не довезли азот, вылив его по дороге. «Зачем им вообще азот?..» – подумал он. На следующий день он чуть не узнал это, а еще через четыре дня – чуть не понял.

На лестнице стояли двое и, похоже, обсуждали достоинства какого-то механизма. Один говорил:

– Электроника у него хорошая, а вот кинематика – говно!... Другой согласно кивал головой. Так продолжалось довольно долго, все время, пока они ждали лифт. Но предмет разговора так и не был упомянут. Что-то подсказало им, что только на последнем этаже они обретут то, что хотят. Наконец, лифт пришел, из него вывалился, пошатываясь, толстый человек, они вошли, и двери отрезали остаток слова «кинематика». Лифт только этого и ждал, наверное, он любил возить толстых людей вниз, а тощих – вверх. Поскольку и Шу, и Мишель были именно такими, он радостно взвыл и на мгновение прижал их к полу.

– Этот лифт мне напоминает дом моей бабушки, – сказал Шу, – он всегда вез вверх, а вниз – обычно застревал. Двери открылись на последнем этаже.

– Ну и что?

– А то, что он такой же.

– Не может быть, это самый замечательный лифт, мне он напоминает дом моего дедушки-артиллериста, где он ездил и вверх и вниз просто замечательно.

– Ну вот, давай еще поспорим!

– И поспорим! Что ты Шу, всегда такой мрачный.

– Я реалист.

– Ну смотри. – И Мишель нажал на нижний этаж.

Лифт медленно тронулся. Мишель злорадно улыбался. Шу тоже. Сквозь скрип канатов и пружин послышался звук, похожий на предсмертный стон. Это его ждал Шу.

– Ну как? – спросил он.

В ответ Мишель зло пнул щиток управления. В каком-нибудь дешевом кино, наверное посыпались бы искры. Но щиток просто тихо треснул.

– Главное что, – назидательно начал Шу, подняв вверх палец, – главное – это выполнять *соблюдавила* пользования. – И он постучал пальцем по эмалированной табличке. – Вот, смотри: «прежде чем войти в лифт, необходимо убедиться, что кабина находится на уровне вашего этажа...» это не то. А, вот! «Не допускайте шалости детей, озорства подростков и повреждения лифтового оборудования.» Но Мишель не слушал его, он пытался открыть заклинившие двери, и, отчаявшись, молотил по ним ногами. «Мне бы его невозмутимость...» – думал он, и где-то в уголке его сознания, он видел старушку, которая входила в лифт, не убедившись, что кабина находится на уровне ее этажа. Старушка беззвучно падала в темную шахту, но на ее место приходила другая, и еще одна, целая очередь падающих, как у Хармса, в бездонную шахту старушек.

– Хватит! – Он устало опустил на пол.

Из тишины доносилось лишь бормотание «...а кинематика у него говно!...» «Может это они про лифт? – Подумал Шу – Хотя, нет, электронику тоже хорошей не назовешь – вандало-неустойчива.» – Он взглянул на разбитый щиток. Ниже кнопки первого этажа была еще одна, неподписанная...

Снизу приближались тяжелые неровные шаги. Иногда они останавливались и слышалось пыхтение. Прошло немало времени, прежде чем шаги оказались на этом же этаже и кто-то постучал с той стороны.

– Эй, вы здесь? – Спросил ворчливый голос с одышкой.

– Ага. – невесело отозвался Шу. Послышалась возня и скрип, двери вдруг раздвинулись, и откуда-то сверху высунулось широкое довольное лицо.

– Ведь написано: «вниз не ездить!», так все равно ездят, – сказала лицо улыбаясь, словно это доставляло ему неизмеримую радость.

– Где – написано?

– Голову подними, – словно издеваясь, сказал толстяк. Мишель задрал голову. На потолке безумно красной краской было написано «вниз не ездить!»

– Понимаете, – объяснял он, пока они выползали из кабины, – вниз можно ездить только мне, потому что я самый тяжелый. Он говорил про какой-то противовес и нагрузки и пружины, но Мишелю было лень пытаться понять это все. Он рассматривал толстяка и вдруг понял, что это тот человек, которого они встретили внизу, только заметно повеселевший после прогулки.

Тот заметил это и остановился.

– А вы кто? – Спросил он тревожно.

– Мы из леса. Фэйри-Хилл, слышал?

– Аа, – обрадовался он, словно встретился с чем-то очень забавным. – А я Пильдис.

– Я Шу. Добрейшей души человек. – И он показал клыки.

– Нам бы тут ээ... пожить бы где недельку, – начал Мишель.

– Администрация на центральной площади, – сразу стал холодным Пильдис.

– Да мы пробовали, только распахусь сразу сказал: «мест нет» и все.

– У него работа такая – распахивать, а если нет – значит нет.

– А подмазать пробовали? – Вяло заинтересовался Пильдис.

– Чем?! – Возмутился Шу. – У нас только вот – кулек, и тот пустой.

И театрально пустил слезу.

– И надолго?

– Жабль в среду утром.

Пильдис тяжело вздохнул и пошел вверх по лестнице. Сзади бесшумно следовали йогурты. Предчувствие оказалось верным, Пильдис действительно жил на последнем этаже.

Комната была завалена колбасной кожурой и пустыми пивными бутылками. При входе валялась огромная куча тряпья, над которой в стене торчал гнутый гвоздь. Очевидно, это все когда-то висело на гвозде, но в отдаленные времена. Шу бросил сверху свою куртку.

– А это кто? – Удивился Мишель, заглянув за шкаф. Там, в узком зашкафном пространстве можно было различить контуры человека, лежащего на полу.

– Это сосед, – ответил Пильдис равнодушно.

– Но он совсем холодный! И пульса нет!

– Он всегда так. Заснет – так на неделю. И не разбудишь.

Он пошарил за шкафом и достал пыльный будильник. Он стер с него пыль, и стали видны зеленые цифры за мутным стеклом.

– Так, сегодня у нас что..? ага... как раз в среду утром и проснется. Как-то раз у нас авария случилась, нужно было его разбудить, только он знал этот агрегат, все медики будили, ничего не вышло. А потом я принес будильник и разбудил. Понимаешь, часы с музыкой, он просыпается только от этой мелодии... Ну, ладно, не трогай его, пусть спит.

Казалось, Пильдис боялся, что сосед проснется, и тогда что-то произойдет, но Шу не осмелился спрашивать об этом.

Близился вечер, в углу обнаружился холодильник, набитый бутербродами. Наверное, хозяин все свое свободное время занимался их изготовлением, а по вечерам их ел. Однако, стоило Пильдису отлучиться, число бутербродов значительно уменьшилось, что его, совсем не смутило. Вернувшись, он поставил на стол то, что так заманчиво позвякивало и приветливо открыл дверцу холодильника.

– Угощайтесь, – сказал он, сделав вид, что не заметил пропажи.

Йогурты жевали. Желтая лампочка горела над столом.

– Как там у вас в лесу?

– Жвёжды. – Ответил Мишель с набитым ртом.

– Что?

– Звезды, говорю, – повторил он, глотая, – у нас в это время Винский выключает движок, чтоб было тихо, и мы без света. Любуемся на звезды. Иногда костер.

– Кто такой этот ваш Винский?

– Не надо об этом к ночи. – Тихо сказал Шу.

Все замолчали.

– Я вот хотел узнать, для чего вам азот... – осмелился Мишель.

– Плевать.

Шу открыл рот и поерзал на стуле. «Ну и ладно, не хочешь говорить – и сами узнаем.»

– Где у вас тут биб... лиотека, – пробормотал Мишель, решив больше не говорить на опасные темы.

– Там, – Пильдис указал в угол.

– Я, понимаешь ли, хотел узнать кое-что про сентябрьских жуков. Тех что падают в котел, когда варишь сентябрьский эль.

– Найдешь. – Уверенно сказал Пильдис. – У нас биб-лиотека ВО!

Мишель задумался.

– Слушай, а почему йогурты? – Вдруг спросил он.

– Ты что, не слышал, еще движение есть такое – «Йогурты за мир» Понимаешь, еще есть кетчупы. Те ездят в широких машинах и носят красные пиджаки. Их интересуют только шмотки и курс валют. Еще они агрессивны, если кетчупу случайно наступишь на ногу, он

достаёт из машины автомат и расстреливает тебя на месте. Ну, или без синяка, уж точно, не уйдешь. А йогурты миролюбивы, увлечены чем-нибудь абстрактным, часто вообще не замечают реальности. Ходят в рваных джинсах. Понимаешь, если я увижу на улице человека в рваных джинсах, я всегда могу подойти к нему и спросить: «Ну как, хреново, приятель?» и он ответит: «Хреново.» и угостит сигаретой.

На кровати громко храпел Пильдис, недалеко, на матрасе тихо присвистывал Шу. Бесшумно спал летаргическим сном загадочный сосед за шкафом. Не спал только Мишель. За окном было тихо. Не лаяли собаки. Во всем городе не было собак. Это было странно, ночь в любом городе связана с далеким лаем собак и грохотом последнего трамвая на соседней улице. А здесь было тихо.

Кто-то завозился в углу, где лежала куча одежды. Мишель подумал, что это тот, кто сидел в бумажном кульке в кармане куртки Шу. Он был прав.

Вдруг страшный треск и грохот пронесся по улице. Он возник внезапно, где-то в соседнем доме и двинулся, удаляясь, на восток. Пильдис подскочил на своей кровати, что-то бормоча, но тут же лег обратно.

- Что это? – Спросил Мишель.
- Ведьма... Ведьма на мотоцикле.
- А ты ее когда-нибудь видел?
- Да. Жутко. Несется, только волосы развеваются.
- Откуда она?
- Отстань, спать мешаешь, – и Пильдис отвернулся к стене.

Винский и Слон стояли у болота и снаряжали в первый и, вероятно, последний путь шагающую тележку, что должна была пройти по болоту, черпая анализаторами болотную жижу, разыскивая в ней что-то, чего Стелла не понимала. «Может быть они найдут нефть, или какое-нибудь другое бесполезное ископаемое...» – думала она, наблюдая, как Слон привинчивает к тележке сзади большой железный крюк.

– Зачем крюк?

– Вот и я говорю ему – зачем? – Горячо подхватил Винский. Так ведь не убедишь... – он с досадой махнул руками, так что чуть не опрокинул это хилое металлическое создание на дрожащих ногах.

Слон только загадочно улыбался. Ведь крюк – это такая вещь, которая, вроде бы, ничего не значит. Но, с другой стороны – это вызов. Вызов чужому миру ночного леса. Кто знает, что может зацепиться за него в туманной темноте, там, в болоте, в местах где еще никогда не было ни одного человека, а тем более жизнепроба с Фэйри-Хилл?

Так думал Слон. К *вызову* у него было особенное отношение. Однажды Стелла спросила его: «А слабó тебе залезть воон на то дерево и...» Слон её резко перебил. «Никогда не пытайся поймать меня *на слабó!* Для меня это сразу сигнал к отторжению. Я теперь *никогда* не полезу на это дерево. Ты поняла?»

Если кто-то таким образом хочет заставить тебя что-то сделать – самое время сказать «отвали». Другой вопрос, если «*на слабó*» тебя ловят обстоятельства, не время ли показать кукиш мирозданию?

Ондион стоял, опираясь на камень моста и смотрел вниз. Река незаметно обтекала каменные опоры, не замутняя своей зеркальной поверхности, а только плавно изгибая ее, и, казалось, там, под этой спокойной поверхностью нет никакого движения. Но это была иллюзия, способная обмануть только зрение. Он слышал и чувствовал, как холодный быстрый поток мягко, но неотвратимо уносит с собой все, что в него попадает. Намеренно или по неосторожности.

Только опоры моста он не мог сдвинуть с места... хотя, нет. Когда-нибудь это произойдет, у него хватит терпения. Ведь когда-то здесь уже был мост. Прошлой весной, когда они выстраивали друг на друга эти камни, Тин нашел под водой, немного выше по течению, остатки древних опор. Конечно, тот мост был выше и красивее, и, наверное, средняя часть его поднималась, а в башенках сидели суровые стражники. Ведь остров тогда был укреплен. Но разве это было препятствием для тех Сил, что столкнулись когда-то здесь...

А теперь это не надо. Кто придет сюда, в замок, в самом сердце леса РоЛай? Кому это надо? Здесь только друзья, что в шутку называют его королем. Им нравится жить здесь, это для них построена эта дорога сквозь лес. Для нас.

Город возрождается. Люди вернулись из Синих Холмов. Теперь они не боятся того, что таится в подвалах, у них есть оружие, которое создал для них Индре. Оружие, которое нашел его дед. И драконы. Они теперь не боятся драконов, хотя страшная память еще свежа. Только один дракон иногда пролетает над городом, и жители знают – это Рыжик летит в замок навестить своих друзей. Иногда на спине дракона они различают Пони, ее сестру, и светловолосого Жана. Это их радует, ведь это означает хорошую погоду, ведь сестры умеют разгонять тучи и вызывать дождь в засуху. И тогда купцы снаряжают повозки и едут с товарами по лесной дороге в замок. Они знают, что Ондион любит угостить своих друзей. Раньше об этом он мог только мечтать. Но...

Он бродит по Лесу незамеченный, избегая шумной охоты. Да, он разрешает им охотиться здесь. Ведь это его друзья, его Королевское Войско. Он не говорит им, что чувствует боль каждого умирающего зверя, это незачем знать им. Да, он понимает тот странный народ, что жил здесь в те древние времена. И понимает, почему они ушли. Они тоже чувствовали эту боль, которую причиняли Лесу люди. Вот почему, он редко приближается к Столице, хотя лес там снова берет свое. Молодые, глупые деревья, снова подступили к древним стенам, окружив и предав людскому забвению старую башню, что раньше была границей Леса. Нынешнего короля, это, кажется, не заботит. Ему хорошо живется в своем высоком замке на вершине Раф-Камня. Наверное, просыпаясь, он смотрит в окно, выходящее на север и видит зеленый океан Леса РоЛай до самого горизонта. Вряд ли ему нравится пустынная степь, что на востоке. Запад? Может быть. Горы тоже приятны для глаз, особенно для его Высокого Величества... Старый он. Кому он оставит трон? Каким будет новый король? Ондион улыбнулся. Дипломатия, ну что же, раз он теперь тоже почти король, придется заниматься и этим. Он не любил врать.

У старого Короля не было сына. Только дочь. Ондион поднял руку к груди. Ладонь его сжала талисман на цепочке. Заморский зверь с золотой гривой и белыми клыками. Талисман снова вернулся к нему. Вчера прибыл гонец из Тхарона. Тот воин, которому он прошлой осенью отдал талисман, погиб. Его завалило камнями в узком ущелье, и по обычаям людей гор, его имущество должны были раздать людям. Так заморский зверь снова вернулся к нему.

Когда-то, много лет назад, талисман ему подарила принцесса. Кажется, Ондион спас ей жизнь. Но у принцев и принцесс странная память. Они помнят, но не то и не так. Не так как помнил Ондион.

Он расслабил пальцы, и цепочка выскользнула из руки. Зеркальная поверхность воды не вздрогнула. Талисман беззвучно прошел сквозь нее, и стал опускаться сквозь холодный поток.

Мишель проснулся от знакомого бормотания. Так бормочет радио на кухне утром, когда золотое и огромное солнце сверкает сквозь дырявые занавески. Сейчас в больших городах такого нет, бывает бормочет всегда включенный телевизор, но его включают никак не утром, скорее днём или вечером. Так что всегда бормочущее радио на кухне – это ретро, доставшееся

от старшего поколения, которое привыкло держать включённой трансляцию с военных времён, когда там передавали сигналы воздушной тревоги и новости с фронта.

Мишель следил, как солнечные пятна медленно ползут по стене к шкафу, за которым спал сосед. Шу и Пильдис сидели за столом, Шу попирал ногой ярко раскрашенный глобус. Радио бормотало: «До начала *утопительного* сезона в городе планируется починить водопровод и...»

– Вот тогда нас и утопят. – Угрюмо подвел итог Пильдис.

Мишель окончательно открыл глаза. Ночь и весь прошлый день казались какими-то нереальными, он улыбнулся одному яркому воспоминанию: посреди ночи кто-то вломился в дверь и страшным трагическим голосом потребовал: «Яду мне, яду!» «Яд там, на полочке, – не просыпаясь, пробормотал Пильдис, – Дай ему, Мишель.» Он нащупал на шкафу склянку и с тем же чувством нереальности нерешительно протянул ее в темноту. Неизвестный схватил склянку и убежал в темноту. Мишель сомневался, было ли это на самом деле, или то был сон. Склянка с ядом стояла на полке, золотистая в солнечных лучах.

– А это что?! Мишель поднялся и подошел к столу (с навигацией у него было не все в порядке).

– Я так думаю, это – нам.

– Ага, – кивнул Пильдис, – Это Тот-Кто-Ночью-Заходил, оставил...

На пакете ровными буквами было выведено «К 4 2 В».

– Давай посмотрим. – Это не было сказано, но было подумано обоими одновременно.

Шу раскрыл сверток, на стол вывалился ключ.

– Может это для Винского или Ту? Кто-нибудь признается.

Они вышли на пустую улицу. В это время дня в городе царствовал жестокий бог. Жизнепробы называли его Двудикий Пьянус. У него было два лица. Одно празднично раскрасшенное и веселое. Другое жестокое, оно приходило утром. Поэтому по утрам улицы обычно бывали пустынные, только на берегу или на Мосту можно было встретить какого-нибудь бледного молодого человека, жадно подставляющего лицо утреннему ветру.

Празднично разодетый человек стоял на углу и ко всем приставал.

Мишель думал, пристанет он к ним, когда они тоже дойдут до угла, или нет. Да, наверняка пристанет, если только не будет занят тем же с кем-нибудь другим. Он был очень рад, когда в его сети попал рыжий жизнепроб, который шел несколько впереди. Ну, теперь точно не пристанет. Разодетый что-то горячо объяснял рыжему, и при этом на его лице была изображена такая сияющая радость, какую Мишель видел только у своего троюродного брата-идиота. Рыжий же оторопело смотрел на раскрасшенного, очевидно не совсем понимая, откуда взялось это порождение Двудикого на центральной площади.

Все испортил Шу.

Когда они поравнялись с этой яркой парой, он повернулся к разодетому и язвительно спросил:

– Ну, и что нового про Бога?

Разодетый моментально забыл про Рыжего и, направив свою улыбку на Шу ответил:

– Бог любит тебя! – Человек говорил без акцента, но что-то говорило Мишелю, что тот иностранец. Возможно то, с какой осторожностью он расставлял слова в предложении.

– Да ну?

– Конечно! Прими его в свое Сердце, и он спасет тебя! Знаешь ли ты, что делает насадка со своими цыплятами в страшную бурю? Она берет их под крылья и спасает их ТАМ. Так же сделает Бог с тобой, если тыпустишь его в свое сердце. Ведь ты страдаешь!

– Я? Нет. Не страдаю.

Проповедник замолчал на мгновение, обдумывая совершенно новую для него информацию. Он, наконец, заметил Мишеля и обратил на него свое сияющее внимание. Вероятно он почувствовал каким-то древним чутьем проповедника, что Шу понимает в этом вопросе намного больше его и поэтому решил избегать прямого разговора с ним. А Шу, действительно, понимал.

Мишель вдруг понял, что Проповедник уже несколько минут объясняет что-то лично ему, а он стоит и смотрит куда-то сквозь него, думая о своем. Он, наверное, выглядел сейчас так же, как тот Рыжий несколько минут назад. Рыжий, кстати, воспользовавшись возможностью, благополучно скрылся. Наконец, Мишель не выдержал. Стараясь быть подчеркнуто корректным в высказываниях, он начал свою ответную речь. Речь, действительно, была ответной, несмотря на то, что Мишель не слышал предыдущей речи проповедника, потому что Мишель очень хорошо знал, что они говорят, приставая на улицах. И это не зависело от их религиозной направленности. Все они говорили одно и то же.

– Что Богу нужно от меня? Ты напрасно теряешь время. Я – конченный грешник.

– Для Бога один раскаявшийся грешник ценнее сотни праведников. Один человек тоже говорил так, но приняв Бога, сказал: «У меня есть лучше делать, чем я делал до. Теперь я верю.» Надо верить, и не думать о вселенной и о будущем. Это сделает за тебя Бог. Думай только о *здесь* и *сейчас*, и тебе станет легче.

– Зачем легче? Я хочу познать в жизни все, мне интересно!

– Мы можем только принять то, что ниспослано нам свыше...

– А также и то, что воспослано нам ниже! – Ехидно вставил Шу.

Проповедник в испуге оглянулся на него и быстро закончил:

– Приходите на нашу проповедь. – Он сунул им в руки бумажку и с профессиональной улыбкой повернулся к следующей жертве.

– Зачем ты его так? Он же спасти тебя хотел...

«Действительно, зачем?» – Подумал Мишель.

– Бесполезно. Меня, все равно, не спасти. От чего только. Это мои проблемы, но я уверен в этом так, как он уверен, что Бог любит его.

– А как же смысл жизни? – Улыбнулся Шу, словно точно знал ответ.

– Ага, ты, конечно, скажешь, что Бог – это ответ на все. Конечно, ты прав. Когда не знаешь ответ, всегда можно сказать, что ответ в Боге. Это слишком просто – перекладывать ответственность.

Да, Шу знал... Конечно, он знал, точнее, был уверен, что знает его. Для себя. И был прав. Тоже для себя.

Он ждал, когда священник заговорит первым. А тот собирался заговорить. Ондион видел это, видел, как подергиваются его руки, как сверкают глаза из-под капюшона. Интересно, кто его бог?

Это не странник с юга, где верят в веселого и радостного бога, украшают его статуи цветами и поют песни, повторяя его имя бесчисленное число раз и из этого повторения черпая радость. Тот веселый бог приходил на землю, чтобы провести время в любви и радости, а южане, что поклоняются ему лишают себя всех радостей, находя высшее счастье лишь в повторении его имен. Но их естество вырывается из заточения, и они устраивают публичные пиры в его честь, столь обильные, что для северянина, случайно попавшего туда, бывает трудно не обидеть хозяев и их бога. А когда перед пиром они слушают проповедь, а с кухни прилетают запахи будущего пира, то можно заметить, с каким вожделением их мысли вращаются вокруг еды, и как испаряется вся их святость.

Может, этот странник пришел с востока, где почитают божьего сына, что за свою жизнь принял от людей бесчисленные страдания, но все равно любил людей. А потом был предан

и привязан к столбу, где умер в страшных мучениях но с улыбкой на губах. И с тех пор они почитают тот столб и его изображения, а когда молятся, то поднимают пальцы к небу, а затем к земле, изображая столб, на котором умер их бог.

Нет, этот человек не поклоняется мертвому богу.

Да, сейчас он заговорит. Сначала захотелось помочь ему, заговорить первому, потом какое-то странное чувство, берущее начало от жалости, но родственное издевке палача, заставило его подождать. Пусть сам начнет. Ведь, в этом его работа, его долг. Ну, смелее, спроси же меня о всеобщей любви? Ондион осмысленно посмотрел под капюшон, не надеясь разглядеть что-либо в этой густой тени. Да он и не пытался разглядеть, потому что это ему ничего не давало. За время долгих странствий он так и не научился узнавать о человеке по его лицу. Точнее, разучился. Разные страны, разные лица убедили его, что лицо совсем ничего о человеке не говорит. Он знал, что это не так, и, вероятно, долго прожив в одной местности, можно постичь эту науку, но не смог этого сделать. Хитрая морщинка между бровей на лице южанина приобретала совершенно другой смысл.

Человек откинул капюшон, у него были рыжие с сединой волосы. Это было так странно, что Ондион замер, так и не поставив свою кружку на стол. У человека был высокий, нависающий лоб. Еще немного, и он казался бы уродом, а может быть, это свет трактирной лампы сыграл злую шутку. Он улыбался доброй улыбкой, хотя в глазах было что-то безумное. И вот он спросил. Именно то, что от него и ожидалось, словно угадав мысли.

– Скажи, ты веришь в Любовь?

– Что значит, верить в?

– Веришь ли ты, что она есть?

– Ты всегда задаешь для начала самый сложный вопрос?

Человек кивнул. Он словно издевался. И ждал ответа. Похоже, он сразу понял, что этот разговор будет не совсем такой, как обычно.

– Хорошо. Я отвечу подробно. Если ты имеешь ввиду любовь мужчины и женщины – то нет, не верю. В обычном смысле не верю. Не верю в одинаковость ответного чувства. Обычно один любит, а второй с этим соглашается или не соглашается. Если соглашается, то есть не сильно возражает – это называется взаимная любовь. Если не соглашается – не взаимная любовь. Я сказал, что не верю в одинаковость ответного чувства. Любые отношения взаимны, то есть порождают ответ. Но ответ обычно не такой, как вопрос. Дружба может порождать раздражение, любовь – ненависть, а пренебрежение – любовь.

Человек поднялся и пересел поближе. Его живые глаза оказались совсем рядом. Он внимательно и даже как-то жадно слушал.

Ондион продолжал.

– Если же ты спросил про любовь всеобщую, любовь к богам, или ко всему миру, или только ко всему живому, или к людям – да, она существует. Любовь может жить внутри одного. И она создает или разрушает его. Это страшная сила. Она может убить или воскресить, она может затаяться на долгое время, а потом вырваться на свободу. Если ты хотел узнать обо мне, то, скорее всего, я люблю все живое, но... кроме людей. Они часто безобразны. Я тоже человек, и я безобразен.

– Ты не прост. Таким ты мне и нужен.

Монах хитро улыбался. Рыжие кудрявые волосы пропускали свет. Ондион почувствовал, как что-то холодное скрывается в рукаве его монашьяго плаща, и незаметно передвинул свою руку в более удобную позицию.

– Знаешь ли ты, чем занимается наш Орден?

Быстрое движение под столом. Но Ондион был готов, и поэтому оказался быстрее. Нож звякнул на пол, а рука Ондиона сомкнулась на горле монаха.

– Пусти... – прошипел рыжий. – Я только проверял тебя...

Никто в трактире не отреагировал на шум. Трактирщик только взглянул на них из-за прилавка.

Ондион напоследок сжал горло посильнее, подвинулся так, чтобы быть напротив, и отпустил. Монах поднес дрожащие руки к горлу.

– Я только проверял тебя. Так ты догадался? Знаешь, чем займется наш Орден?

– Нет. Ордена сами по себе – я сам по себе.

– Наш орден ищет героев. – Монах говорил совсем тихо. – Героев для последней битвы. Может быть, не *самой* последней, но страшной.

Библиотека находилась в другом конце города и йогурты тащились сквозь остатки ночного тумана, как вдруг что-то знакомо урчащее сквозь туман настигло их сзади.

– Смотри, Шу, автобус!

«Странно, зачем здесь автобус?.. Не к добру это...» – подумал Шу. Они заползли на теплое сиденье и Шу устался в запотевшее окно, а Мишель стал наблюдать за пассажирами. Их было только двое, и они почему-то стояли, наверно, так им было удобнее беседовать. А они беседовали. Один большой, с красным носом горячился, размахивал руками, отчего иногда чуть не падал на поворотах, он что-то убедительно доказывал второму, тонкому и невысокому, отчего тот боязливо сжимался и казался еще меньше, но позиции в споре не сдавал. Похоже, разговор иногда переходил на личности, и тогда тощий обиженно поправлял очки и говорил с отчетливой дикцией: «Глупо. И нихрена не интеллигентно.»

Водитель объявил «Библиотека» и Мишель выпихал разложившегося от тепла и тряски Шу. Библиотека была такой, какой обычно ее представляют и какой она никогда не бывает. Только здесь... Белое одинокое здание с колоннами. Оно было нелепо в сером утреннем тумане. Незаметная старушка сидела у конторки, Шу и Мишель не заметили ее, только откуда-то появились нужные Мишелю книги.

Шу, зевая, принялся за какие-то журналы, валявшиеся на всех столах. «...а вот архив с нужными мне сведениями о сентябрьских жуках. – Думал Мишель. – Название по латыни. Да, но архив на испанском!..

– Что ж вы писаетесь, Дарья Петровна!..

Шу обернулся. Старушка строго выговаривала котенку, указывая на лужицу на полу. «Откуда старушки в нашем городе? – Подумал Шу. – Раньше не встречал. Недобрый знак.» Хотя, есть такие профессии, которые однозначно связаны со старушками. Вот, например, гардеробщица. Или библиотекарь.

– У вас случайно нет Испанского словаря? – Отчаявшись разобраться, спросил Мишель. Старушка зарылась в бумаги.

– Шу, ты держишь книгу вверх ногами.

– Да, – удивился Шу, – а где у книги ноги?

Старушка вынырнула из груды бумаг:

– Испанского нет.

– А какого-нибудь?

– Какого?

– Такого, с которого можно перевести на испанский... Ну, понимаете, я беру два словаря Испано-Какой-то и Нечто-Русский и перевожу и Испанского на Русский, а потом Русско-Какой-то и Нечто-Испанский и перевожу обратно.

– Аа, – сказала старушка и сняла с полки Нечто-Испанский словарь.

Война – любимое развлечение королей, но в этой стране уже давно не было войн, последняя развлекательная война закончилась два века назад. Тогда столица была еще сильна и Короля боялись и почитали. Теперь осталось одно название и он был не более чем властители-

лем города, правда большого, но все же меньше чем Девять Островов. Хотя мудрецы издавна спорили, считать ли Острова одним большим городом.

Солнечные пучки сквозь просветы в тяжелых шторах медленно ползли по полу, золотили пыльные узоры колонн, забирались на трон. Король сидел в углу парадного зала и созерцал время.

Последняя война не была игрушкой королей. Она была странная. Сохранившиеся войска были посланы, но никто не вернулся. Говорили о победе, но никто не видел предводителей поверженного противника, только трупы. Войска столицы и люди гор. И полная тишина. Мудрецы говорили о сокрытии какой-то великой силы, говорили, что она ушла из мира, но что это за сила – молчали. Но тишина наступила, какое-то время еще чувствовалось напряжение, люди не могли забыть. Теперь все как обычно. Ничего не слышно. Ничего не известно.

Его отец и дед жили по инерции, используя то, чем обеспечили их предки. Тем же занимался и он. Но Столица опускалась. Теперь его здесь не любили. Полгода назад он распустил всех министров.

Он провел рукой по колонне, на руке осталась пыль. «Надо прибраться здесь до завтра», – подумал он. Это был тактический ход. Здесь соберутся все значительные люди от Драконьих гор до южной пустыни. Они убедятся в дружелюбии Столицы (но не слабости), он предложит им союз, а заодно станет известно то, о чем говорят у них.

Он крикнул герольда. Слышно было, как слуги повторяли его приказ все дальше и дальше. Потом шаги. И поклон.

- Кто отозвался на мое приглашение?
- Двадцать шесть лордов, мой Король.
- Читай.
- Властитель Островов Кельмир Справедливый.

По правде, Острова уже давно не входили в его владения, подчиняясь Столице лишь на словах, и Властитель был такой же король как и он.

- Верховный Повелитель Людей Гор Атанатхар.

Он боялся, что Люди Гор не придут. После войны Король не заключал с ними мира, но говорили, что темная сила, которая их вела, пала, и они отошли и остались на бесплодных землях между горами и рекой и довольны этим.

- Наместник восточных земель Артур Светлый.

Это был верный друг Столицы. Но он давно уже не был слугой. Поддерживая хорошую торговлю и обеспечивая в последней войне помощь войсками, он несколько раз показал свое упрямство, и Король знал, что не сможет открыто спорить с ним.

- Ондион Ролайский.

Подожди. Ролайский? Но лес РоЛай... вот он. Король подошел к окну. Внизу шумел город: кричали торговцы на площади, скрипели телеги, на пыльных улицах играли дети, булочки сидели на порогах своих лавок. Улицы переплетались в причудливый нерегулярный узор, вокруг основания Раф-Камня, на котором стоял замок, местами взбираясь на него, или ныряя под скалу тоннелями. Всё это ограничивалось ровной городской стеной, а дальше начиналось зелёное море живой листвы и продолжалось до самого края зрения. Город было далеко внизу, и казался маленьким, к высоте башни добавлялась высота Раф-Камня, а лес занимал большее поле зрения и чуть шевелился как огромное спящее животное.

Он помнил страшные рассказы, которыми пугали его в детстве, и как мальчишкой бегал на спор в одиночку к старой сторожевой башне. Он отыскал её глазами. Её вершина едва поднималась над листвой вдалеке. Где-то под покровом леса рядом с ней проходит старая дорога на север, к Девяти Островам. Во все времена ею пользовались неохотно, но дорога была. По рассказам, башня когда-то отмечала границу леса, а еще раньше, во времена его деда...

Однажды король Эдвард приказал вырубить лес на сто шагов по обе стороны от дороги. Лесорубы разбежались в первую же ночь. Тогда он послал с ними солдат. Они рубили лес днём, а когда приходили утром – на месте вырубки уже росли молодые деревья. Дальше – хуже, волки, кабаны, всякие твари пострашнее полезли из леса. Это была настоящая война, на которой были убитые и раненые, атаки и отступления. И когда Эдвард понял, что проиграл её, за полгода не продвинувшись и на десять шагов, он приказал поджечь лес. Погода стояла сухая, дождей в это время года почти не бывает, и лес загорелся быстро, стена огня двигалась впереди солдат, оставляя лишь пепел и чёрные стволы.

Лес горел весь день, заволакивая столицу дымом, а когда стемнело, поднялся ветер, и началась буря. Потоки воды низвергались с неба и неслись по улицам, затапливая подвалы. Молнии сверкали, освещая город холодным светом. Казалось, чья-то разумная воля управляет ими. Несколько домов и южные ворота загорелись, несмотря на дождь. Утром дождь утих, оставив догорать то, что осталось от города. Множество людей потянулось по дорогам на юг, многие из мастеровых осели тогда в южных плодородных деревнях. Эдвард не послушал советов стариков и выдвинулся на север с большим отрядом. Они дошли до места, где дорога выходила на берег реки и встали там лагерем. Король был уверен, что чьё-то человеческое колдовство стоит за этим и твёрдо решил добраться до корня. Старики говорят, что он ошибся, никто не мог бы жить в этом лесу, это сам лес восстал против него. Когда солдаты утром проснулись, то обнаружили, что всё их снаряжение изъедено муравьями, а на месте шатра Эдварда лежит белый обглоданный скелет.

Так его дед вступил на трон. Он был молодым племянником Эдварда и первым претендентом на наследование. Испугавшись свалившейся на него ноши, он созвал совет мудрецов, которые помогали ему править. Что из этого вышло – совсем другая история, но теперь на лес никто не посягал. Был издан закон, запрещающий вырубки севернее линии, на которой стоял город, который соблюдается до сих пор, и лес постепенно подступил к самым стенам, поглотив и дорогу, и старую сторожевую башню.

Была ли это чья-то воля, или правы старики, говорившие, что лес сам восстал против Эдварда? Теперь уже нельзя узнать. Но сейчас... похоже, что есть.

– Кто передавал ему послание?

– Не знаю, мой Король. Никто не признался.

– Что ты знаешь о нем?

Герольд нахмурился. Собранные им сведения были только слухами.

– Прости за дерзость, мой Король, но он законно владеет этими землями. Мало найдется смельчаков, способных войти в этот лес, еще меньше – кто сможет выйти из него. А этот человек *живет* там. Формально он имеет права на остров на реке в центре леса. Там развалины замка, он пытается заново отстроить его.

Неужели где-то сохранился живой потомок...

– С ним живет кучка преданных ему людей. Он осуществляет контакты с Дарквудом и Тхароном.

– Дарквуд? Разве там еще кто-нибудь жив?

– Да. Человек пятьдесят. В основном, ремесленники и кузнецы. И еще пришли с Синих холмов. Говорят, их город спас некий неизвестный рыцарь. С ним были две девушки. Так говорится в местной легенде. Жители расчистили старую дорогу через лес от Дарквуда к острову и ведут активную торговлю.

– Что еще известно о нем? – Он видел, что герольд не решается сказать, что он знает. А знает он еще много.

– Еще говорят, это *он* дрался в ущелье у Тхарона и это *он* заключил мир с Людьюми Гор.

дело – соседние измерения Земли. Они должны быть похожи на наше. Но контакты с ними невозможны по определению. Вот, Винский идет, он вам скажет.

– Что? – Не сразу понял Винский. – И скажу! Вот скажу, так скажу! А что сказать-то?

И он сказал. Сначала лоб его собрался в гармошку и он запыхтел. Потом...

– Некоторые считают, что параллельные пространства не пересекаются, так же, как не пересекаются параллельные прямые – просто по определению, потому они и параллельные... Тогда любые наши усилия в нашем пространстве никак не изменят ничего, что находится в пространстве параллельном. Но на самом деле здесь слово «параллельные» не очень подходит, просто их так называют. Правильное слово «соседние». Некоторые вообще считают, что их бесконечное множество и они как раз и образуют вселенную. А любое изменение – это просто усилие по переходу в соседнее пространство.

Ну вот, например, в нашем мире вот этот камень лежит вот здесь. – Он указал на маленький камень, лежащий в траве. – А в соседний мир отличается от нашего только тем, что этот камень лежит вот здесь... – он взял его в руку и снова положил чуть правее. – Переместив камень я не изменил этот мир, а сам переместился в другой мир, в котором камень лежит правее.

– А как же мы? – Спросила Стелла

– А вы одинаковы в обоих мирах, хотя и другие. Поэтому я ничего не замечу. Хотя... если вы – это уже другие вы, я всё равно ничего не замечу, я же не знаю, как бы вы повели себя там, откуда переместился, вернуться обратно уже нельзя.

Слон и Ту сидели на пригорке. Рассеянный солнечный свет ложился на траву, призывая растянуться под деревом и ничего не делать. Мишель говорил, что если неосторожно заснуть на склоне, могут прийти муравьи и унести обмякшее тело в муравейник.

Было тепло и солнечно, но не в голове у Слона. Мысли его были самыми мрачными. Все это было совсем не к месту, но только не для него. Это были не мысли, а состояние, которое никуда не уходило, только временно отступало, если яркая реальность вторгалась и слегка приукрашивала его серый мир. Он был наполнен отчаянием и уже даже не жалостью к себе, а смирением с собственной неизлечимостью. Эти мысли оседали на дно, и он жил с этим, просто приняв как непреодолимое. Лишь иногда слабая надежда, что есть какие-то пути выхода из этого состояния, могла всколыхнуть мёртвую воду отчаяния, и она болезненно изливалась наружу, чтобы потом снова успокоиться в неизбежности.

– Помнишь, однажды мы шли по городу, и вдруг из толпы выскочила какая-то девица, бросилась тебе на шею, а потом так же скрылась в толпе?

– Да. Ну, и...

– Кто она?

– Мм... да, я вроде видел ее где-то, учился с ней что ли... Когда-то. А что?

– Почему она бросилась тебе на шею?

– Ну, не знаю, наверное, очень рада была меня видеть...

– Понимаешь, я достаточно хорошо знал ее. Мы с ней тоже учились. И мы даже, иногда вместе гуляли. И я покупал ей мороженое... Но она не обратила на меня внимания.

– Ну, и? – Снова повторил Ту.

– Понимаешь, я хотел тебя спросить, тебе часто на улице малознакомые девушки бросаются на шею?

– Ну, случается, иногда, а что?

– Да нет же, нет! Не это я хочу у тебя узнать! Скажи мне, как другу, КАКИМ нужно быть, чтобы люди, увидев тебя, радовались, обнимали тебя просто потому, что рады тебя видеть! КАКИМ!? Я ищу ответ на этот вопрос уже много лет, потому что... потому что мне никогда не бросались на шею даже хорошо знакомые девушки. А друзья, увидев меня, опускают глаза,

в крайнем случае, бормочут, «ну вот, и Слон пришел». Только ты – единственный человек, который иногда радуется моему приходу. Поэтому я говорю об этом с тобой, и еще потому что знаю, ты, по крайней мере, не будешь смеяться надо мной.

Незнакомому могли показаться смешными эти юношеские проблемы. Но нет. Всё было гораздо глубже и сложнее, и проростало в теоретическую плоскость. С самого раннего детства Слон понял, что бывают люди симпатичные и Несимпатичные. Причем, это от рождения и почти не зависит от того, что они делают. Вообще, непонятно, от чего это зависит. Симпатичным может быть человек, абсолютно некрасивый, неаккуратный, всех ненавидящий и вообще, обладающий всеми отрицательными качествами. Он помнил одного товарища, о котором говорили «какой очаровательный бомж!».

Если симпатичный человек сделает какую-нибудь гадость, его скорее всего простят. Во всяком случае, на первый раз и на второй и, вероятно, даже на десятый. Ему придется сильно постараться, чтобы его возненавидели. Напротив, несимпатичным людям не прощается ничего, даже малейшие проступки. Ту принадлежал к симпатичным людям. Если он опаздывал куда-нибудь часа на два (а он делал это часто), то когда он, наконец, приходил, то ему вместо «где ты шлялся, урод» говорили «как хорошо, что ты наконец, пришел». И потому Слон обращался сейчас к нему, пытаясь узнать новые подробности о том, каково это – быть симпатичным. Отчасти чисто теоретически, отчасти в надежде, а вдруг Ту владеет какой-то тайной, которая могла бы хоть немного поднять его собственную симпатичность. Невероятно, конечно, но вдруг случится чудо...

Все говорили, что это возможно, но Слон не видел ни одного примера. Наверное, это как бросить курить, подумал он: все говорят, что это возможно, но никто не может бросить. Впрочем, он знал по крайней мере одного человека, кто *на самом деле* бросил курить. У него была проблема со здоровьем и выбор стоял: или жить или курить. Кроме того, здесь всё ясно, что надо делать (точнее, не делать), а в случае с симпатичность – полная неизвестность. Некоторые говорили про различные методики личностного совершенствования. Все они различным образом совершенствовали личность, но требуемый параметр, судя по видимым результатам, не поднимали. Так что Слон скорее склонялся к мысли, что всё-таки это врожденное и неисправимое. И с этой мыслью он привык жить и мириться.

Ту странно и серьезно посмотрел на него.

– Ты слишком много об этом думаешь. Take it easy.

– Да?! Да! Думаю! А о чем мне еще думать, как не о простых человеческих отношениях! Почему?! Почему я лишен того, что легко достается большинству! Элементарная человеческая теплота! Ведь, же совсем нормальный. Обыкновенный. Ведь правда? Так почему же вызываю такое отвращение?

– Да нет. Ты не вызываешь никакого отвращения. Забей, бывает хуже. Вон, Винский... К нему вообще иногда подойти страшно. Ты обыкновенный. Просто ты ТАКОЙ, что тебя не хочется обнять.

– Наверное. Но КАКОЙ? Разве это не видно со стороны?

– Ладно. Не психуй. Чем могу тебе помочь? Тебя, что, обнять?

– Да иди ты в жопу! – Он вскочил и шагнул в заросли. Ту проследил за ним взглядом.

Подождал.

– Эй! Слоон!

Никто не ответил.

Ту встал, прошел четыре шага до кустов и заглянул в них. За ними начиналась поляна, но Слона нигде не было.

Мишель что-то бормотал, и не давал Шу сосредоточиться. Да, впрочем, теперь это уже и не получилось бы. Шу пытался вспомнить, где еще он мог видеть этот плакат с красным

драконом, что висел у Пильдиса на стене. Казалось, он видел его во сне, только теперь уже не вспомнить, при каких обстоятельствах. Очень трудно бывает вынести такие подробности из сна. Бывает посреди дня вдруг вспоминаешь, что видел что-то во сне, и на это воспоминание наталкивает что-то, что случайно попадает тебе на глаза днем. Но сон уже не вспомнить. От сна уже осталось только воспоминание о воспоминании.

– А дверь? Ты видел эту дверь? – Упорствовал Мишель.

– Какую дверь? – Очнулся Шу.

Мишель потащил его на лестницу и вниз по ступенькам. Шу не сопротивлялся. Тремя этажами ниже вместо тесной лестничной площадки вдруг обнаружился огромный темный зал, уходящий вглубь здания, со множеством пыльных дверей. Мишель потащил его в полумрак вдоль этого ряда дверей, иногда останавливаясь, чтобы смахнуть пыль с медных табличек, если было никак не прочесть.

– Вот. – Сказал наконец он, остановившись у закрытой двери.

– Что? – Не понял Шу.

– Читай. Табличка висела неровно, на одном гвозде, и под ней было видно, что когда-то дверь была другого цвета и не такая пыльная. Буквы гласили: «Демонстраторская».

– Ну, и что? Наверное, демонстрируют что-нибудь...

– Вот именно! Де-МОНСТР-рируют!

– Как? Как ты сказал?

– Так и сказал. Если здесь де-МОНСТРрируют, значит, где-то должны и МОНСТРИРОВАТЬ!

Шу почему-то вспомнил странный серый контейнер, что стоял во дворе у медиков. Похоже, что в нем должно было находиться какое-то медицинское оборудование вроде бормашины. Это было бы похоже не правду, если бы не надписи на нем. С одной его стороны было написано: «Открывать здесь». При этом с противоположной стороны была надпись «Стоять здесь». Сразу появлялось множество вопросов. Как умудриться открыть контейнер, стоя с противоположной стороны от дверцы? Почему нужно стоять там во время открывания? Может, это опасно? Ясное дело! Однажды, проходя мимо, он слышал слабый звук, как будто кто-то осторожно скрёбся изнутри... Но что это за таинственная опасность притаилась в контейнере? И при чем здесь тёмная комната с надписью «Демонстраторская»?

Шу подошел ближе и рванул за ручку.

Дверь была наглухо закрыта. Она даже не пошатнулась. И табличка на одном гвозде тоже.

Спускаясь по лестнице, Шу вспоминал тихие царапающие звуки, которые он слышал из контейнера. Ему стало не по себе.

– Горрб, – сказала первая жаба.

– Грррб, – сказала вторая жаба.

Слон не знал, как зашел сюда, где начиналась та дорога, которая его привела. С тех пор, как он психанул и ломанул через густые кусты, прошло довольно большое время. Все это время он шел вперед через лес, ничего не замечая, погруженный в собственные напрасные, как он сам понимал, переживания. Вряд ли можно что-то изменить. К человеку относятся не по тому, что он делает, а по тому, *какой* он, что бы он ни делал, это надо принять как факт. А он *такой*, ну да, и что, и надо с этим жить. Расслабиться и получать удовольствие. Искать его не в общении, а в чем-то другом... в творчестве, например. Это называется сублимация. Или вот, лес, например...

Слон вдруг почувствовал, что *лес* – это не просто лес. Это организм, который чувствует... И если бы удалось войти с ним в контакт... то наверное, можно было бы почувствовать то, что чувствует он. Мысли приняли другое, более приятное, направление и постепенно Слон обрел некоторое душевное равновесие, и, хотя его загрузки остались, конечно же, при нем, просто

отступили куда-то вглубь, идти стало легко, словно лес сам вел его, услужливо подставляя тропинку под ноги, и убирая ветки с его пути.

Вероятно, это была одна из дорожек, что расплзались по лесу от холма, протоптанные жизнепробами и еще неизвестно кем. Это была обычная лесная тропинка, но сойти с нее было нельзя. С обеих сторон было непроходимое болото, то тут, то там, желтые пузыри с глухим гулом поднимались из глубины и колыхали окресные кочки.

Можно было повернуть назад, но это было не в его правилах. Этому он научился у Мишеля, и оно ему очень нравилось. «Никогда не возвращайся по той же дороге, по которой пришел.» Это правило, хотя и было надуманным, делало жизнь безумно интересной. По крайней мере, он еще никогда не пожалел, что его соблюдал.

Тропинка была заросшей и узкой, попросту, тропинкой это называлось лишь потому, что по ней, в отличии⁷ от окружающего болота, можно было пройти. И еще как пройти! Комфортно, не замочив ног.

– Горрб, – сказала первая жаба.

– Гррб, – сказала вторая жаба.

⁷ оставлено авторское написание

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.